Горецкий Выбор

Антибашистская газета

Башизм - «Репрессивный режим, направленный на подавление прогрессивных общественных движений, на уничтожение демократии».

С.И.Ожегов, «Толковый словарь руского языка», на букву «Ф»

№5

Май 2006г.

Зьдзейсьнены штурм намётавага лягеру на Кастрычніцкай плошчы

[24 сакавіка]:

Сёньня а 3.10 раніцы сотні міліцыянтаў і амапаўцаў узялі штурмам намётавы лягер на Кастрычніцкай плошчы. Затрыманыя больш за 400 чалавек.На загад Лукашэнкі спэцапэрацыяй кіраваў міліцэйскі генэрал Філістовіч. Удзельнікаў акцыі пратэсту выхоплівалі па адным і закідвалі ў закрытыя машыны. Пасьля затрыманьня ўсіх людзей, правакатары са спэцслужбаў, а таксама супрацоўнікі БТ, якія адмыслова дзяжурылі на плошчы, падкідвалі ў лягер пустыя бутэлькі гарэлкі, шампанскага, піва, нейкія часопісы і кнігі. Усё гэта пасьля фіксавалася відэакамэрамі і ў далейшым будзе дэманстравацца для апраўданьня сілавой акцыі. Вядома, што затрыманых павезьлі ў спэцпрыёмнік-разьмеркавальнік на Акрэсьціна.

http://belngo.info/

ЭДУАРД БРОКАРЕВ

Время нечисти

Современная документальная повесть

На майдан я приехал утром в четверг, 23-го марта вдвоем с Андреем Юрковым. Он сначала отправился куда-то по делам, а я вышел из машины внизу, возле «Журавинки» и стал подниматься по лестнице с тыльной стороны «Саркофага». Маячивший на площадке вверху «муравей» в черной форме, похожей на гестаповскую*, к которой за 70 с лишним лет вместо фуражки с молниями добавилась вязаная шапочка, скучающе посмотрел куда-то сквозь меня и остался недвижим.

Вид утреннего лагеря большого впечатления не произвел – на фоне не забытых еще украинских телекартинок белорусский майдан выглядел каким-то миниатюрным. На входе наткнулся на стоящего в цепи горецкого хлопца, который поехал в Минск на день раньше. Ему начальник организации перед выборами пообещал прибавку к зарплате, если не будет ездить в столицу на акции. Расстались мы с ним двумя днями раньше, когда он расспрашивал о расписании электричек на Минск. Парень посетовал, что хочет поучаствовать в субботней акции на День Воли, но за сутки на холоде устал, а остановиться в Минске негде. Я посоветовал ему съездить домой отдохнуть, а затем вернуться, что он в итоге и сделал, уберегшись, как оказалось, от «суток».

Повстречав еще нескольких знакомых, потихоньку начал вживаться в ритм лагеря.

Накануне поездки долго сидел в Интернете, пытался разобраться, что же там все-таки происходит, однако, кроме эйфории ничего особенного не обнаружил. Разве что немного удивился тому, что власти позволили выстроить палаточный лагерь и что-то уж слишком долго терпят его существование. В том, что в итоге – сметут, сомневаться не приходилось, хотя мыслишка «А вдруг?» нет-нет, да и всплывала. Параллели с Украиной, проводимые на некоторых сайтах, выглядели слишком натянутыми и скорее выдавали желаемое за действительное. И все же – а вдруг? Шальная затея, всплывшая не в результате продуманных действий, а вынесенная на гребень политической волны взбрыкнувшей стихией народного бунта, вдруг приковала к себе внимание всего мира. Похоже было, что Лукашенко и вся его неповоротливая бюрократия, в этот момент еще только осмысливали нестандартную ситуацию и не знали, как в этом случае поступить - точно так же, как и Милинкевич с Козулиным. Один призывает расходиться, другой кричит нечто типа «я с вами». Ошалевший от свалившейся на него свободы (пусть и на территории в десятую часть гектара) народ, орет «Застаемся!» и уже ни Козулин, ни Милинкевич ничего сделать не могут, хоть бы и хотели, да и сами они майданщиков вроде не слишком уже интересуют – «Сва-бо-да!». Уже и не столько «За», сколько «Против». «Достал!», «Надоел!» «Хопіць!» Все это можно выкрикнуть из-за спин стоящих в оцеплении хлопцев, кажущихся такими надежными. Хоть и не «Белый легион», но все же – защита - не чистая улица, где шляющаяся попарно безмозглая деревенщина в повешенных на ухо малиновых, или черных беретах может огреть не понравившегося человека дубинкой и пустыми глазами пещерного идиота любоваться, как он валяется в луже и после встает, подбирая рассыпавшиеся в уличной грязи университетские учебники. Кстати, присмотревшись однажды внимательнее, сделал вывод – чем больше угол отклонения берета от горизонтали, тем меньше мозгов в покрываемой им голове.

Утро понемногу становится не таким уж и ранним, все больше людей на улицах. Становлюсь в цепь. В руках у стоящих там людей – транспарант «Плошча Каліноўскага» - идея о переименовании Октябрьской площади родилась буквально на днях. Держат и другие плакаты. В итоге образуется почти правильный круг диаметром метров 30, «опирающийся» основанием на парапет выхода из метро к Дому офицеров. Сам парапет обложен разными шмотками, чтобы было можно посидеть, если устали ноги. Внутри кольца стоят штук тридцать палаток и ходят ребята с флагами на длинных удилищах-телескопах. Флаги разные – от бел-чырвона-белого до фигуры зубра на синем фоне и рваной джинсовки. Ими машут, чтобы привлечь внимание, а заодно согреться – по ночам на улице до -15, днем немного теплее. Еще одно средство от мороза – танцы, или просто приплясывание под музыку. На майдане стоят две приличной мощности колонки и усилитель, работающие от бензинового генератора. Крутят NRM, Шалкевича, «Крамбамбулю», сборку «Песьні свабоды».

Традиционное «русское» средство для сугреву не приветствуется и более того – все, кто пытается пройти в лагерь хотя бы с пивом, либо под градусом, изгоняются под массовое скандирование «Ганьба!» Моя плоская фляжка под курткой остается незамеченной, но применять ее на глазах у всех как-то неудобно – за почти сутки стояния сделал пару глотков лишь раз, под вечер, когда запершило в горле. Кстати – помогло, но несколько косых взглядов стоявших поодаль молодых людей не позволяли повторять прием. Да и необходимости большой не было – понимая, куда еду, и имея приличный опыт разного рода палаточных турслетов и «Зарниц», оделся с запасом.

*Уже потом, после разгона, БТ показывало какую-то водку, якобы найденную в лагере, шприцы с наркотиками, голые ноги, торчащие из палаток…По-моему – перестарались. Нужно быть совсем уж дебилом**, чтобы поверить, что в тонкой палатке при минус десяти можно позволить себе любовные вольности. Тем более, продолжать их, видя, что тебя снимают. Кто не верит – попробуйте на себе. На самом деле все эти политужастики делались, когда людей в лагере уже не было и, прежде чем пустить туда журналистов, там «попаслись» вездесущие «люди в штатском».*

Улица все больше оживает. Приехал Милинкевич. Говорил в микрофон о поддержке, о результатах выборов. Заметно, что устал, голос хриплый, волнуется и рад бы помочь, да нечем. Позвал на митинги 25-го на День Воли и сегодня вечером, в шесть – в городке.

Появляется Юрков, встречает своих знакомых, стоим, обсуждаем ситуацию. Людей тем временем вокруг кольца сходится все больше. Возраст – самый разнообразный. Многие подходят, приветствуют, говорят, что в субботу, на День воли, придут обязательно. Передают еду. Некоторых на подходах досматривают – раз за разом сообщается, что задержали то девушку с десятком сырков, то парня с термосом чая. Всего же за подобного рода «диверсии» на сутки попало как минимум около сотни людей. По лагерю

гуляет анекдот: Милиционер возле площади останавливает прохожего с сумкой:

- Продукты в сумке есть?
- Нет, только пистолет и наркотики.
- Проходите.

Тем не менее, несут и несут. Пожилая минчанка передает большой пакет с драниками. В импровизированной столовой на решетке девчата жарят сосиски, делают бутерброды с колбасой. Сами же и те, кто не занят, разносят их вдоль оцепления. Тут же раздают конфеты, витамины, предлагают таблетки от кашля, активированный уголь. Рядом сформировался полевой медпункт. Одна из женщин приняла там «командование» и сортирует передаваемые снаружи таблетки, согревающие мази, «брызгалки» от насморка и ангины.

Две бабушки подходят к цепи, передают два яблока: «Возьмите, дорогие! Только одно немного надкусано, срежьте потом». Оказывается, у одной из них диабет и в случае, если станет плохо, нужно иметь собой какую-то еду, чтобы сразу откусить. Они просто вышли погулять, но возле метро к ним прицепились милиционеры и обвинили в том, что они несут продукты (два яблока!) для участников акции. В качестве доказательства, что это не так, заставили одно яблоко надкусить. Возмущенные женщины принципиально принесли эти яблоки в лагерь, да еще потом рассказали обо всем случившемся в микрофон.

Ведущий у микрофона – осипший парнишка с задатками шоу-мена объявляет, что те, кто ночевал в лагере и хочет сейчас отдохнуть, помыться в ванне, могут воспользоваться приглашениями минчан – сколько таких предложений было – не знаю, но приходили и приглашали в квартиры – точно.

Народу, тем временем, становится все больше. Вокруг оцепления то и дело вспыхивают дискуссии. Сторонников той и другой точки зрения примерно поровну, но бросается в глаза разница в поведении, одинаковая, как видно, что в Горках, что в столице. Если коротко, то как лукашист – так хам. Люди демократических взглядов ведут себя спокойно и вежливо, на всяких неуравновешенных отморозков** не реагируют, разве что могут пристыдить. Представители же «82-х процентов» так и норовят оскорбить, наорать, пригрозить. При этом уверены – **им за это ничего не будет**. Появляется съемочная группа то ли БТ, то ли ОНТ – эмблемы на аппаратуре нету. Оператор подходит вплотную к цепи. Звучит призыв: не отвечать на провокации. Какая-то нервная бабушка, не разобравшись что к чему, с криком «Мы за Лукашенку!» бросается к месту съемки и начинает плеваться, но попадает в ошарашенного оператора, после чего убегает.

Вообще снимают много – фотокорреспонденты мировых агентств с длинными «пушками» объективов, любители с «мыльницами» на фоне флагов, и, конечно же «хлопцы в цивильном» - с разных точек, подолгу, но всегда на приличном расстоянии.

Снова инцидент – пьяный пытается пройти сквозь оцепление. Люди зовут милицию – ноль реакции. Прислужники в погонах знают – **им за это ничего не будет**. Один милиционер отвечает, что у нас демократия. Пожилая неопрятная женщина, развернув самодельный плакат с обрывком «Советской Белоруссии», где на цветном фото изображен Лукашенко с девочкой в галстуке, и надписью от руки «СССР победил» с хохотом прыгает вдоль цепи, а затем убегает в сторону. Еще один подобной же внешности бомжеватого вида дедок долго кривляется, цепляется к прохожим, к стоящим милиционерам с криками: «Вон они! Заберите их!». Сержанты, которым, судя по всему, самим неловко от такого «союзника», отворачиваются, отходят в сторону, дедок взглядом ищет «своих», бежит к двоим парням в гражданской одежде, дергает их за рукава, заглядывает в глаза, что-то говорит. Те реагируют резко, отмахиваются и, поняв, что засветились, исчезают в толпе. Стоящая рядом со мной женщина рассказывает, что вчера «этот бомж» ходил с бутылкой водки, пил из горла, а следом бегала группа из БТ и снимала. Дед потом хвалился, что ему за это дали миллион, и на следующий день пришел в новых ботинках, хотя и в той же замурзанной куртке.

Впечатляет обилие пожилых людей, которые держат нашу сторону. Бабушка, одетая в старенькое пальто, сначала стоит нерешительно, затем подходит к оцеплению, благодарит за смелость, от чего смелеет сама – через пару минут она уже внутри оцепления, берет микрофон и говорит те же слова уже громко. Ее сменяет офицер-афганец, затем микрофон берет заплаканная женщина в черном. У нее вчера милиция забрала сына и она до сих пор не знает, где он. Парень – студент, выходил на остановке из автобуса №100, как раз напротив майдана. Его тут же схватили, несколько раз ударили, и увезли куда-то. Сама она инвалид, муж – тоже, сына изо всех сил учат на платном, голосовали за Лукашенко, а тут – такое. Говорит сбивчиво – видно, что потрясена, старые установки рухнули и в голове творится невесть что. Потом она долго ходит по лагерю, ей сочувствуют, успокаивают.

Сотый автобус, остановка которого находится в десятке метров от оцепления, это вообще – отдельная тема. В день моего нахождения на майдане там дежурил гаишник, крутивший палкой каждый раз, когда водители и автобуса и маршруток пробовали останавливаться. Одна маршрутка остановилась с недоездом – подбежал, толкнул в грудь попытавшегося выйти мужчину, закрыл дверь и рявкнул на водителя: «Проезжай!»

Едущие по проспекту машины часто сигналят в такт «Жы-ве Бе-ла-русь!» Площадь отвечает скандированием. Гаишник каждый раз, когда удается заметить, кто сигналил, передает по рации номер машины и стоящий метрах в двухстах по ходу его коллега тут же бросается с жезлом наперевес и, видимо, штрафует. Заметно, что «вычисляет» он только тех, кто сигналил до того, как поравняться с ним. Если машина проехала, то в потоке уже трудно определить, кто именно подавал сигнал. Нахожу корреспондента «Радио Свобода» и прошу передать в эфир, чтобы водители сигналили, проехав гаишника. Поэтому, или нет - не знаю, но к концу дня работы у стража порядка стало поменьше – сигналить действительно стали чуть позже.

По лагерю нервно ходит один из его организаторов Вячеслав Сивчик - мужчина в длинном пальто с обветренным лицом и воспаленными глазами. Он здесь с первого дня. Только что сообщили, что милиция арестовала его мать. В конце дня он также будет похищен, избит, и две недели пробудет в больнице под милицейской охраной.

Во второй половине дня на площади появляется группка бээрсээмовцев - человек двадцать – с красно-зеленым флагом. В лагере – смех: «Восемьдесят два процента пришли!» Их зовут к микрофону, предлагают высказаться, но геройски, потоптавшись чуть в стороне и покричав нечто нечленораздельное, «альтэрнатыўныя мітынгоўцы» разбредаются под крики «Ганьба!»

Вообще, отношение к членам БРСМ среди минской молодежи достаточно однозначное. Их числят какими-то неполноценными, а само слово БРСМ звучит уже как ругательство. Когда хотят сказать о человеке что-то унизительное, то говорят: «Да он из БРСМ!». Достаточно большое количество членов этой организации в ВУЗах объясняется просто – кто-то не хочет вступать в конфликт с начальством, другой решил делать так карьеру. Еще одна причина – наличие большого количества сельской молодежи, которая изначально более управляема. Программа, предусматривающая поступление в столичные ВУЗы сельчан, имеет, на мой взгляд, основной целью разбавить ряды столичных вольнодумцев, знающих себе цену, значительным количеством людей, твердо осознающих, что попали они учиться в Минск только благодаря Батьке, а посему обязаны ему всем по гроб жизни, легко контролируемы и могут использоваться при организации всяких провокаций и прочих пакостей в качестве противовеса для «слишком умных».

Часов в пять мне звонят на мобильный коллеги – если можешь, приди, нужно помочь с листовками. Выхожу за пределы оцепления не без опаски – нет, не трогают. Спускаюсь в метро. На развилке между двумя выходами стоит человек пять в форме. Я им не интересен – тормозят выходящих на площадь. Примерно час помогаю ребятам разрезать свежеотпечатанные листовки с информацией о митинге 25-го, беру пачку с собой, засовываю за пазуху и еду обратно. Из метро выхожу через дальний от майдана выход. Один из сержантов делает движение в мою сторону, но тут мимо проходит группа молодежи, их останавливают. Я иду неспешно, «не замечая» патрульных, смотрю равнодушно перед собой в сторону лестницы. Сработало – милиционер отвернулся и стал искать новую жертву. У входа ребята не хотят меня пускать – в лицо не помнят. Говорю, что у меня есть пароль, достаю пачку листовок, которые тут же подхватывают несколько молодых людей и начинают разносить по внешней стороне оцепления. Я уже свой - пропускают.

К вечеру вокруг площади собирается тысяч пять. Приносят флаги, скандируют, слушают выступающих. Объявлено, что Милинкевич задерживается – поехал в больницу - у него милиция избила одного из соратников. Возмущение, снова громогласные «Ганьба!» и «Жыве Беларусь!»

Митинг длится недолго, затем – снова музыка, люди долго не расходятся, но часам к 10-11 вечера внешнее кольцо практически исчезает и в лагере остаются человек 500. Вокруг ходят корреспонденты, но их становится все меньше. Наступает ночь – время нечисти и белорусской власти. И те и другие очень не любят лишних глаз.

По одному, по двое-трое подвозят каких-то пьяных, которые, выйдя на площадь, начинают куражиться, лезут в драку с демонстрантами. Обращения к милиции не действуют – **им за это ничего не будет.** Судя по «прикиду», ночные гости задержаны милицией в каких-нибудь ночных клубах и отрабатывают возможность быть безнаказанно отпущенными.

Один такой шибздик** в белом пиджаке и туфлях с носами а-ля Чарли Чаплин долго прыгает возле нашей цепи, пытается ударить ногой. Я все жду, когда подойдет поближе – мои увесистые ботинки так и просятся поучить этого отморозка** в какое-нибудь подходящее место. Не получается – далековато, да и немолодые женщины, принявшие на себя добровольное дежурство, оттаскивают его и ему подобных едва ли не за уши. Они ходят вдоль цепи с совками и вениками, собирают мусор, стыдят милиционеров и всяких запускаемых ими на площадь провокаторов.

Кстати, о чистоте. Когда в одном месте надолго собирается несколько тысяч человек, мусора, естественно, не избежать. В лагере его собирали в пакеты и по мере возможности загружали в подъезжающие мусоровозы – за день 23-го это делалось дважды. Был и биотуалет, накрытый палаткой, к которому периодически выстраивалась очередь. Попытка привезти оборудование для второго «объекта» была сорвана бдительными стражами порядка – задержали и туалет и водителя, который его привозил.

Мысль о том, что уйти сегодня просто так не удастся, впервые появилась где-то после десяти вечера. Видно было, что ряды «муравьев» вокруг заметно погустели и там, где утром стоял один, теперь группа из пятишести, а то и больше. Все чаще звучат призывы ко всем мужчинам стать в оцепление.

Пятница, 24-е марта 2006-го года. Три часа ночи.

Моя покойная бабушка, женщина столь же набожная, сколь и эрудированная, помнится, всерьез утверждала, что именно в это время к человеку приходят болезни и разные напасти. Она была уверена, что именно три часа ночи являются наиболее благоприятным временем для нечистой силы, задумавшей всякие пакости, особенно по пятницам. Ну хоть ты возьми – и поверь!

Возле иностранных корреспондентов начинается какое-то шевеление, их оттирают в сторону. Снизу, со стороны цирка, выезжает шесть бронеавтомобилей-автозаков и автобус. Приплыли. В цепи – призывы сохранять спокойствие и не отвечать на провокации. Из машин горохом сыплются «космонавты» в больших шлемах и с дубинками. Выходит какой-то полковник с мегафоном. «Вы участвуете в несанкционированном митинге и пикетировании, даю пять минут, чтобы разойтись!» Из оцепления кто-то отвечает: дайте коридор – разойдемся. Полковник «не слышит», снова повторяет то же самое. Из цепи выскакивают несколько человек – как потом говорили сами «стражи порядка», это были «их» люди.

Все мужчины, которые есть в лагере, стоят в оцеплении в два кольца, плотно сцепившись локтями. Скандируем, как потом выяснилось, антигосударственный лозунг: «Міліцыя з народам!». Ага, «з народам» – те, что в шлемах, прямо-таки вплотную, в паре метров от оцепления. Еще одно кольцо из «муравьев» в черном стоит дальше, в десятке метров. Заметно, что цель – не дать уйти никому. С одной стороны цепь омоновцев начинает теснить стоящих. По цепи передается: «Садимся!» Все оцепление, не размыкая локтей, садится на асфальт. Продолжаем скандировать, женщины внутри лагеря тоже садятся, или становятся на колени и начинают молиться.

Многие звонят по телефонам, сбрасывают эсэмэски. Я никому звонить не стал, подумал – ночь, что людей беспокоить. Позже, поразмыслив, сделал вывод, что зря – хоть кому-то сообщить нужно было, хотя бы затем, чтобы назавтра не обрывали телефоны и не искали.

Вообще же, хочу сказать спасибо всем, кто уже следующим утром, услышав о разгоне и обнаружив, что телефон недоступен, занялся моим поиском. Отсюда вывод – участвовать в подобного рода акциях лучше, предварительно наладив контакт хоть с какой-то структурой, или хотя бы предупредив близких и друзей о возможном задержании, назначив время для связи. Не дай Бог, случится тяжелая травма, власти ее скорее всего попытаются скрыть и получится, что кроме семьи о вас никто не знает и никому вы не нужны. Так, по всей вероятности, сейчас происходит с человеком, которого, как говорят, серьезно искалечил ОМОН 25-го во время разгрома колонны в несколько тысяч человек, шедшей к тюрьме, где мы тогда уже сидели. Фамилия его, вроде, Атрошенко, он, предположительно, из Барановичей, но больше никто толком ничего не знает, хотя прошло уже немало времени. Власти, естественно, все отрицают и «был ли мальчик» не знает с уверенностью никто до сих пор.

Так случилось, что в первый день после задержания меня почему-то не оказалось в списках. Тут же (я узнал об этом уже после освобождения) на сайте belngo.info, с которым я в последнее время сотрудничаю, появилось сообщение:

Сярод затрыманых – карэспандэнт belngo.info [24 сакавіка]:

Як нам стала вядома, у ліку соцень затрыманых уначы на Кастрычіцкай плошчы быў і карэспандэнт belngo.info, грамадзкі дзяяч і журналіст з Горак Эдуард Брокараў. Учора раніцай ён паехаў у Менск, каб падтрымаць удзельнікаў акцыі пратэсту на Кастрычніцкай плошчы. У прыватнасьці, Э. Брокараў плянаваў пачытаць ім сваё творы. У той жа дзень ён меркаваў вярнуцца, але, відаць, вырашыў застацца на ноч у намётавым лягеры. Пакуль невядома, дзе знаходзіцца Эдуард Брокараў, у няпоўным сьпісе палітвязьняў яго прозьвішча няма. Нагадаем, што падчас выбарчай кампаніі Эдуард Брокараў зьяўляўся кіраўніком штабу А. Мілінкевіча ў Горках.

Ну, и коллеги по предвыборной коалиции подсуетились и уже вскоре вычислили меня, сообщили семье и позднее организовали передачу.

Предвижу, что могут начать просто бить, и чтобы попытаться предотвратить это, предлагаю соседям встать и пойти к машинам. Некоторые из окружающих молодых ребят отказываются, другие (их большинство) молчат и не двигаются. Чувствую, что одного из стоящих рядом начинает бить дрожь. Приятного, конечно же, мало. Омоновцы набрасываются на людей и начинают растаскивать сцепившихся. При этом почти не бьют, только тех, кто активно сопротивляется. На моих глазах девушку толкнули так, что она всем телом ударилась о железный борт. Людей тащат за руки-ноги, швыряют в броневики. Я сижу во втором ряду и до меня еще не добрались. Когда от оцепления практически ничего не остается, опережая вошедших в раж «защитников» встаю и, как в кино, подняв руки, иду навстречу.

*Теперь, при рассказах, этот эпизод неизменно вызывает у слушателей улыбку, самому тоже немного смешно, а тогда было как-то невесело, ожидал всякого – черт их знает, что у них на уме. Тем более, не сомневаются, что если даже кого и побьют, или покалечат, то **им за это ничего не будет**.*

Двое омоновцев (не сказать, что амбалы – среднего роста ребята, но экипированы и наверняка подготовлены) берут меня почти вежливо под локти и, я бы сказал, провожают в машину. Уже там получаю «в коршень»: «Лежать! На пол!» - боковые сиденья все заполнены, и тех, кому не хватило места, укладывают в три слоя на проходе, несколько раз проходятся поверху ногами. Команды грубые, резкие, ну, это мы еще в армии проходили, в карантине – напугать, задавить, чтоб не рыпались.

Уже потом, в камере, обдумывая произошедшее, сделал вывод, что тем, кто прошел армию, или даже зону, а может и просто немолодым, имеющим жизненный опыт, в таких стрессовых ситуациях легче. Юным студентам и школьникам кроме отчаянного геройства тут предъявить пока нечего. Поэтому очень важно, чтобы с ними в этот момент были люди опытные, могущие подсказать, или просто успокоить. В этой связи не могу не вспомнить о тех, кто, по-моему, просто обязан был поддержать стоявшую на площади молодежь – об их родителях. Большинство из вас, уважаемые, отсиделось в теплых квартирах, и, когда ваших детей били и швыряли в автозаки, вы просто-напросто дрыхли в уютных постельках. Дело даже не в политических взглядах – признайтесь, что у значительной части из вас их просто нет. Боюсь показаться излишне категоричным, но есть в жизни случаи, когда нужно наплевать на свои должности, погоны, и просто комфортное существование и выйти при минус пятнадцати, встав рядом с ребенком (пятнадцать лет ему, или двадцать пять – неважно). Иначе потом придется откупаться куском колбасы, переданной в камеру, и убеждать себя в том, что это он вас ослушался, а не вы его предали.

Еще несколько минут – и машина трогается. Омоновцы немного успокоились, приказывают сесть на пол, на колени друг другу. Едем примерно минут десять.

Андрей, оказавшийся в другой машине, потом рассказывал, что у них омоновцы вели себя намного агрессивнее. При задержании били – ему самому досталось по голове. В машине оскорбляли и запугивали девушек, мол, сейчас мы вас…

Останавливаемся. Слышна команда: «Вторая машина заезжает!». Проезжаем еще немного и уже командуют выходить. Вокруг – тюремного типа здание и огороженный кирпичным забором с проволокой двор. Быстро проходим внутрь, нас ставят возле стенки. «Смотреть вперед!» Пересчитывают, требуют вынуть шнурки из ботинок и отключить телефоны. «У кого найдем включенный телефон – упадет на пол!» Людей очень много, из разговора двух милиционеров слышу, что привезли уже 360. Выявляют несовершеннолетних и куда-то уводят – потом выяснится, что в итоге отпустят и начнут давить на родителей.

Всех снимают на видео, при этом надо произнести вслух свои данные. Заводят в кабинеты, где сидит несколько человек в форме и составляют протоколы, переписывая обвинения с куска картона, лежащего на столе: «Активно участвовал в несанкционированном…» и.т.д. Эти формулировки будут сопровождать нас до самого выхода на свободу. Написано от руки и не слишком разборчиво поэтому спрашивают друг у друга, что надо писать. У тех, кто без документов, проверяют данные, куда-то позвонив по телефону.

Снова долго стоим у стены, коридор метров 50 длиной, в два ряда по обе стороны. Вспоминаю, что в кармане лежат две дискеты с информацией, которая, если прочтут, может «усугубить», поэтому незаметно их ломаю. Знал бы, как потом будет, не делал бы этого – при таком столпотворении милиции дай впору было хотя бы справиться с бумаготворчеством. Нахожу в другом кармане несколько листков бумаги с тем самым «творам», про которые писали на сайте - пародией на передачу «В мире животных» под названием «Заповедник». Я ее сумел ее распечатать с дискеты только в Минске и прочесть не успел – было как-то не до того. Выбросить – некуда. Поэтому комкаю листки и при изъятии личных вещей небрежно швыряю в пакет – дескать, мусор, в опись можете не писать. Дискеты тоже сошли, как ненужный хлам. Даже не спросили, почему сломаны, а может – не знают, как они должны выглядеть.

В коридоре делят нас между собой: «Ты бери этого, а я – того». Видимо, потом будут писать липовые рапорта о том, что именно сержант А. задержал гражданина Б, который «Активно участвовал в несанкционированном митинге и пикетировании, выкрикивал…». Кто-то из тех, кто сейчас оформляет соседа, потом, может, будет свидетелем на суде у меня, а мой – у соседа. Конвейер, пародия на законность, и самое страшное – **им за это ничего не будет**. Забирают личные вещи, вплоть до блокнотов и ручек. Правда, все под опись и копию дают на руки. При выходе потом все вернули – даже фляжку с водкой.

Наконец – камера. Девятнадцать человек на шесть нар. Правда, есть еще лавки и столы, массивные, соединенные, как школьная парта и прикрепленные к полу. Устраиваемся, кто как, чтобы хоть немного поспать – за окном уже почти рассвело. Пару часов сна и снова зашевелились – холодновато, особенно тем, кто одет явно не по

сезону. Начинается обмен куревом, один из парней пронес мобильник и куда-то звонит, его просят дать позвонить другие. Вяло рассказываем друг другу о своей жизни в лагере. Камера новая, мы там, видимо, первые. Кран с горячей и холодной водой, отгороженный железным щитом туалет с унитазом и дверцей высотой метра в полтора. Помещение большое, квадратов тридцать. Видимо, строили с учетом санитарных требований, касающихся наличия определенной площади на одного человека.

С Андреем Юрковым мы расстались при заселении. Старались держаться рядом, стояли буквально через пару человек, но в итоге именно тут оказался «водораздел» и сперва попали в разные камеры, а потом даже в разные тюрьмы. Я остался в Минске на Окрестина, а его увезли в Жодино в числе тех, кому здесь не хватило места.

Спустя несколько часов выводят из камер. Все просьбы о медицинской помощи, о возможности позвонить домой игнорируются, либо отклоняются – дескать, все после суда. Сажают 29 человек в автобус и везут в суд Московского района. При выезде из ворот тюрьмы (или точнее – спецприемника-распределителя в переулке Окрестина) – толпа людей. Охранники нервно командуют, чтобы мы молчали и не двигались. Снаружи приветственно машут, кричат: «Свободу! Держитесь!», высматривают своих. В метре от автобуса вижу Козулина – машет руками, что-то кричит. Незаметно для охраны показываю в окно «V» из двух пальцев. В ответ звучит хором: «Жыве Беларусь!» Едем минут десять, при этом с первого раза водитель подогнал автобус к парадному входу в здание. Нет, не сюда. Автобус разворачивается, переезжает в закрытый двор. Выводят и запирают по пять человек в камеры-«стаканы» размером где-то метр на полтора без окон, но с вентиляцией. Для сиденья там бетонный приступок максимум на двоих. Стены оштукатурены «шубой», видимо, специально, чтобы было неудобно прислоняться. Меня выводят одним из первых. Заходим в зал суда, секретарь спрашивает, нужен ли адвокат. Отвечаю утвердительно, и ее тут же приглашают. Коротко знакомимся, она записывает мои данные. Другие обитатели тюрьмы, с которыми потом разговаривал, утверждали, что адвокаты были не у всех - одним не предлагали (кое-кто из молодых вообще не знал, что он здесь положен), другим отказывали, кому-то сказали: «Гони 100 тысяч, будет тебе адвокат. Если нету, то не рыпайся». Откуда же им быть, если все деньги забрали при задержании?

Входит судья. Процесс, как говорил один президент СССР, пошел. Постараюсь описать его подробно – это может быть интересно юристам и просто людям, знакомым с подобным действом, хотя за стенографическую точность, конечно же, не ручаюсь.

После формальных действий, связанных с установлением личности, судья зачитывает обвинение: «Активно участвовал в несанкционированном митинге и пикетировании, выкрикивал антигосударственные лозунги, не реагировал на законные требования работников милиции». Подтверждается протоколом задержания и рапортом милиционера, которому я достался при дележе задержанных.

- Вы признаете себя виновным?

Пожимаю плечами.

- Вы сказать должны это сейчас.

- Частично.

- Что можете сказать еще?

Прикидываюсь «валенком» - дескать, я с периферии, приехал в Минск по делам, было интересно, что там происходит, поэтому пошел посмотреть. Раньше ни к чему не привлекался, и вообще, я тут случайно. Представился, я, кстати, предпринимателем, что формально есть правда. Про журналистскую работу упоминать не стал – не обязан.

Выкрикивал ли лозунги? Да, «Жыве Беларусь!» По-моему, хороший лозунг, он же не против Беларуси – вон на каждом углу висят плакаты «ЗА!» Антигосударственных не выкрикивал – да там их и не было вроде.

В протоколе написано, что я был на площади с часу до 3-15 (время задержания) ночи. Отвечаю, что приехал раньше, днем, а долго не уходил, потому что там говорили, что милиция стала задерживать всех, кто выходит, а уходить нужно утром, тогда не забирают.

Судья:

- Кто говорил конкретно?

Щас, буквально всех и перечислю.

– Не знаю, я там вообще ни с кем не знаком.

Почему не доволен властью? Да я вроде и не шибко-то недоволен, но вот налогов и вправду стал платить больше в последнее время.

Судья (назидательно):

- Так разве эти вопросы нужно на площади решать?

Пожимаю плечами и молчу - (Где же еще, коли больше негде?)

Судья:

- Вы раскаиваетесь?

- Раскаиваюсь (правда, не совсем понимаю, в чем).

- Искрене?

- Искрене! (а как же еще?)

Зовут свидетеля – сотрудника милиции, который, по его словам, лично видел, как я «Активно участвовал в несанкционированном митинге и пикетировании, выкрикивал антигосударственные лозунги, на законные требования работников милиции не реагировал».

Судья:

- Какие именно лозунги?

Свидетель, почти не запинаясь:

- Ну, эти… анти…государственные… про Гончара что-то.

Адвокат:

- У меня вопрос к свидетелю: Какие конкретно лозунги выкрикивал именно этот человек?

Свидетель, запинаясь чуть сильнее:

- Анти…государственные…

Судья, немного раздраженно:

- «Жыве Беларусь!» кричал?

Свидетель, облегченно:

- Ага, кричал.

Судья:

- «Долой Лукашенко!» кричал?

Свидетель, почти радостно:

- Да, долой… Лукашенку…

Судья: вот видите, свидетель говорит, что кричал!

Слово адвокату. Надо сказать, что эта женщина свою работу сделала исключительно профессионально – поговорить нам времени не дали, но она опытным ухом уловила мою тактику и как могла, стала проводить ту же линию.

Она говорит, что я оказался там случайно, что меня ввели в заблуждение, сказав, дескать, если уйду – заберут в милицию. Просит учесть, что я раньше не привлекался к административной ответственности, что у меня двое детей, что я раскаялся и, учитывая, все это, просит суд объявить мне предупреждение.

И тут судья допускает промах. Ну никак она не была настроена (кем – вопрос риторический) на такие решения. Аж вскакивает: «Что?! Вы хотите предупреждение?!!» И, словно в отместку, мне - этак ехидненько:

- Вот вы предприниматель. Если я вам дам 150 базовых (более четырех с половиной миллионов – Э.Б.)– потянете?

Я, абсолютно искренне:

- Нет, конечно.

На этом действо завершено, говорю заслуженное спасибо адвокату и меня возвращают в «стакан».

Минут через двадцать снова ведут в зал суда. Там конвейер работает на полную мощность. Та же судья, только в клетке другой мужчина. Меня заводят в ту же клетку.

- Так, это кто? Фамилия? Ага, есть. Активное участие в несанкционированном митинге и пикетировании подтверждается рапортом и протоколом задержания, а также (даже не запнулась – во как за 12 лет отработано!) свидетельскими показаниями. Аргументы, приведенные обвиняемым, суд считает способом защиты (а такое понятие, как способ обвинения в судебной практике вообще существует? – юристы, подскажите!). Отягчающих и смягчающих обстоятельств суд также не нашел. Приговор – десять суток.

Если переводить весь этот цирк на более понятный язык, то звучать должно примерно так: «Все, что вы тут доказываете, мне по фигу, а то что плел этот уголовник в форме, оно и есть истина». Насчет уголовника – никаких преувеличений, поскольку лжесвидетельство преследуется УК. А то, что он лгал, я готов доказать (в нормальном суде) с помощью сотен свидетелей. Во-первых (другие обитатели майдана не дадут соврать), про Гончара там вообще никто ничего не кричал, равно, не было и лозунга «Долой Лукашенку!», да и не могло быть – слишком примитивно звучит. Во-вторых, если присутствовавшие там лозунги «Жыве Беларусь!», «Міліцыя з народам!», «Разам!» и «Хочам, можам, пераможам!» являются антигосударственными, то тем, кто руководит этим государством, я могу только сочувствовать – уверен, что в итоге они плохо кончат.

Отводят назад в стакан – теперь уже в другой, но с тем же «комфортом». Там уже все пятеро после суда. У всех от 10 до 15. Стоим, сидим, меняясь местами. Слышно, как из других клеток люди просятся в туалет, кому-то становится плохо, кто-то хочет курить. Ответ на все один – не положено.

Проходит несколько часов (как выяснилось потом – примерно пять). Мои соседи – все молодые ребята – жалуются, что у них буквально «едет крыша» от замкнутого пространства. Действительно, помещение давит на мозги – тем более – на фоне стресса. Но так, наверное, было задумано, когда строили – здание новое. Чтобы отвлечься, начинаю травить какие-то байки, анекдоты, все, что в голову придет. Подействовало, то один, то другой начинают включаться в беседу. Длинноволосый парень, студент БГУ, с которым потом оказались в одной камере, понял мою задумку и в одной из пауз просит: «Вы не молчите, рассказывайте нам что-нибудь». Это и делаю.

Наконец выводят, снова в автобус и везут назад на Окрестина. Опять проезжаем сквозь толпу у входа. Осознание того, что мы не одни и не брошены, безусловно, ободряет. Долго стоим во дворе, лицом к воротам гаража. Нас в который уже раз переписывают. Слышно, что неподалеку кого-то бьют. Шатающиеся по двору охранники изгаляются, как могут (точнее, как позволяет единственная извилина). Набор стандартный: «Завтра поедете в колхоз камни ворочать», «Сейчас пойдете в камеру, дадут поесть, сегодня будет курица». «Всех надо постричь наголо». На все просьбы ответ один: «Может тебе еще и бабу?» с неизменным «Гы-гы». Толстый прапорщик, курирующий нашу группу, обходит строй, рассматривает людей, между делом жалуется на то, что они из-за нас с какого-то там числа без выходных трудятся. В таких случаях я обычно советую сменить работу и пойти в дворники, или в администрацию президента – там выходные гарантированы. Но здесь молчу – не тот случай. Попутно прапорщик проводит и воспитательную работу. В частности, его интересует, почему это я оказался на площади. Ладно, мол эти пацаны жизни не знают, а мне что там надо? «Вы же

человек (вижу, что чуть не сказал «пожилой», но осекся) немолодой». Я коротко отвечаю, что было интересно, а при повторной попытке заговорить, обрываю – дескать, мы что, друг другу что-то докажем?

Подобные «воспитательные речи» характерны почему-то именно для милицейских прапорщиков – не впервые приходится слышать, как они назидательно обращаются к своим «подопечным», повторяя однажды заученную на каких-нибудь политзанятиях билиберду, необыкновенно точно сформулированную в народном (или, если хотите – оппозиционном) фольклоре: «Если вы там такие умные, то почему строем не ходите?» При этом сами, видимо, уверены, что жизнь состоит из строевой, боевой и политической подготовки, а посему вывод - они ее знают.

В целом же всех охранников, с которыми мы там столкнулись, можно делить на три приблизительно равные группы:

1.Менты по жизни. Учиться – туп, работать - ленив, а гонору – выше крыши. Плюс разные комплексы, которые можно выместить на тех, кто ответить не в состоянии. Очень любят тупо шутить и ржать от собственных шуток. Поскольку в соответствии с рекомендациями того же фольклора (не тронь, чтоб не пахло) никто с ними не пререкается, то, прослужив некоторое время, решают, что правда умные и с этого момента становятся любимцами арестованных, которые услышанные «перлы» затем повторяют и обыгрывают часами – но об этом чуть позже.

Из таких потом набирают персонал для СС, корпуса Тонтон-макутов и ГУЛАГа.

2.Простые и в целом невредные хлопцы, искрене уверенные, что служат отечеству. Наш прапор был из этой группы.

3.Нормальные ребята, каким-то образом попавшие на такую службу, например, после армии. Это они показывали нам сжатые у плеча кулаки, «вилки» из пальцев, при случае говорили, что если бы не погоны, тоже пришли бы на площадь. Помогали, чем могли - информацией, зажигалкой, просто человеческим отношением.

Стоим очень долго. Холодновато, особенно тем, кто одет не по сезону. Перегоняют в другое место, поближе ко входу. Несколько человек жалуются на холод. Прапорщик уходит в здание, возвращается и заводит нас внутрь. Все коридоры забиты людьми, поэтому стоим на лестнице, но все же в тепле. Наконец доходит очередь. Выстраиваемся возле стены в две шеренги. Снова какие-то формальности и начинается распределение по камерам. Наш «куратор» ко мне явно неравнодушен. Вроде даже сочувствует, во всяком случае обращается на «Вы». Подходит и то ли просит, то ли приказывает быть старшим в камере, смотреть, чтобы «эти пацаны» ничего там не натворили. Первое, что приходит на ум – фраза из известного фильма: «Господин назначил меня любимой женой!» Произношу ее негромко, но чтобы слышали ближайшие соседи в строю. Улыбаются – значит не так все плохо.

Боюсь повториться, но опыт, а с ним и присутствие духа, в такой ситуации очень важны. Когда я осознал, что сделать уже ничего нельзя и 10 дней придется провести в камере без всякой возможности повлиять на ход событий снаружи, то просто выкинул все из головы и стал отдыхать. А поскольку на любом отдыхе важно хорошее настроение, то (благо – времени на это хватало) стал искать любую возможность похохмить. Кроме всего прочего, это помогало поддержать ребят помоложе – некоторые из них поначалу кисли.

Что касается семьи, то, поскольку знал, куда ехал, накануне отъезда предупредил, чтобы не дергались без большой надобности - был уверен, что в случае чего сообщат – есть кому.

Но вот мы в своем доме на ближайшие неделько-другую. Семь нар, десять человек. Правда, есть еще все те же скамейки и столики, вполне годящиеся для использования в качестве спальных мест – все равно на нарах нет матрацев. Располагаемся, знакомимся. У одного срок – пять суток, у четверых – десять, у пяти остальных пятнадцать. Обменялись впечатлениями о последнем дне. Как и следовало ожидать, суды у всех одинаково формальные, о каком-то реальном рассмотрении обвинений речь не идет. В принципе, можно было этой ерундой не заниматься и время не тратить – положил в камере десять бумажек, написал на одной «5», на четырех «10», на пяти «15» и тяните, как жребий. Кому что попало, тот столько и сидит. Говорю об этом вполне серьезно – единственный наш пятисуточник пробыл на майдане с первого дня до задержания, а другой парень, получивший пятнадцать, пришел за пару часов до разгрома лагеря, чтобы найти друга и забрать его домой на ночлег.

Возраст моих соседей – от восемнадцати до двадцати семи. Я со своими сорока пятью выгляжу древним аксакалом, хотя в процессе общения это было заметно чуть-чуть – коллектив подобрался удачный, а может просто сплотили похожесть взглядов и общие проблемы.

С самого начала решили сидеть по науке. Случайно найденной за подкладкой куртки ручкой составили на салфетке график Ганта – своеобразный календарный план отсидки с указанием количества оставшихся дней и часов. При этом выяснилось, что своих тюремщиков мы невольно обдурим в любом случае – в один из дней вводится летнее время, а посему сидеть нам придется на час меньше. Мелочь, а приятно. Меня, с подачи прапорщика, единогласно избрали президентом камеры. Назначили министров: продовольствия (отвечал за расходование продуктов), машиностроения (им был единственный в камере слесарь), целлюлознобумажной промышленности (отвечал за расходование туалетной бумаги), а также начальника матчасти, который распределял сигареты.

Представлять своих соседей поименно не буду по понятным причинам. Но кратко описать, я думаю, можно.

Пять суток.

Немногословный уравновешенный парень, работает первый год по распределению после института. При обсуждении его ситуации сошлись на том, что не уволят – а если уволят, то неизвестно, кому лучше – схема, по которой могут заставить платить за учебу, вроде не просматривается.

Десять суток.

1.Студент театрального института, двадцатилетний интеллигент, не слишком переживающий за возможное отчисление. Эрудит и знаток театральных историй. Поклонник великой харизматичной актрисы Фаины Георгиевны Раневской (упоминания о ее гениальных фразах на каждом шагу и только по отчеству, теперь его запомнил даже я).

2.Студент старшего курса БГУ. Был за границей, знает английский. К возможному отчислению относится спокойно. Уравновешен. Чувствует поддержку родителей – в первой же передаче ему прислали распечатку с сайта «Радио Свобода» о событиях 24-25 марта.

3.Программист в частной фирме. В первые дни переживал, что могут уволить, но затем ему с работы принесли передачи от коллег и шефа, а один из милиционеров сообщил, что с работы передали, дескать, увольнять не собираются и чтобы держался.

4.Автор этой повести. Мне в плане работы было легче всех – я птица вольная и начальства надо мной нету.

Пятнадцать суток.

1.Архитектор. Учится заочно. Промышляет проектированием и отделкой квартир. В первые часы искрене считал, что столько людей сразу посадить нереально, поэтому должны отпустить. Особенно бесил его полученный срок – это он приходил искать друга, но по причине нахождения под градусом в лагерь допущен не был и ошивался вокруг, пока не прихватили «за компанию».

Надо сказать, что мысли о возможной «амнистии» были сперва и у меня. Все-таки, думал, что более пятисот человек (была информация, что задержали в ту ночь 540) посадить одним махом непросто. Оказалось, что нынешней власти – просто. После суда понял, что никто этого делать не будет.

2.Безработный. Приехал из Могилева сам по себе «от души». Молчаливый парень, помоему перенесший заключение с наибольшим спокойствием из всех нас.

3.Еще один могилевчанин, с которым у нас даже нашлись общие знакомые. Любитель интеллектуальных игр. Организовал чемпионаты камеры по «Что? Где? Когда?» и «Своей игре». В равной степени – любитель поспать.

4.Недавний дембель. Грузчик, программист, студент-заочник и фанат компьютерных игр. Из тех людей, которых приключения находят сами. Живет в конфликте с матерью-чиновницей и отчимом, что воспринимает как данность.

5.Слеарь второго разряда. Самый молодой в камере. Тоже любитель компьютерных развлечений. После выхода на свободу его встретила то ли перепуганная, то ли разъяренная матушка и тут же утащила домой.

Самыми большими проблемами в первый день нахождения в камере были невозможность позвонить домой (охранники несколько раз обещали предоставить телефон попозже, но в итоге так и не дали), отсутствие туалетной бумаги, и курева.

В третий раз в жизни убедился, как хорошо не курить. Впервые это случилось в армии, затем - во времена советского и постсоветского дефицита. Сейчас эта проблема была создана охраной искусственно – при сдаче личных вещей поотбирали сигареты и зажигалки. Зато в первые дни, когда в камере почти не курили, легче дышалось. Когда пошли передачи, они свое наверстали и моя одежда провоняла насквозь. Курильщики обычно делают вид, что этого не понимают, а тем, кто не курит – неприятно. Хотя их понять тоже можно – деваться-то из камеры некуда, на перекур не выйдешь. Правда, вентиляция работала нормально, да и большой объем помещения не позволял дыму слишком уж сильно сгущаться.

Насчет звонка домой все начали спрашивать у охранников с первых же минут задержания. Вроде как имеем право. Милиционеры постоянно обещали, говорили, что вечером придет дежурный офицер и нужно обращаться к нему, потом в итоге сказали, что сообщено в отделы по месту прописки и в случае обращения туда родственников, им сообщат. Так-то оно так, но это в случае обращения, что может быть далеко не в первый день – зачем людям нервотрепку устраивать? Во-вторых, некоторые говорили, что прописаны в одном месте, а живут в другом – как быть с ними? В общем, получилась одна из возможностей поиздеваться над задержанными. То же и с туалетной бумагой. Извините, но отказы в выводе в туалет из «стаканов» в помещении суда и насмешки в ответ на просьбы из камер дать хоть какую-то старую газету (при этом в личных вещах у многих были блокноты и просто какая-то бумага) кроме подтверждения ментовской дурости ничего другого за собой не несут. Знают, сволочи**, что **им за это ничего не будет.**

Курево, когда его не хватает, или нет вообще – тема номер один. Из десяти обитателей камеры курящих было семеро. В первый день у моих соседей не было ни

одной сигареты, хотя, повторюсь, многих заставили сдать и их, и зажигалки вместе с другими вещами. Назавтра в камеру напротив пришла первая передача и оттуда к нам передали несколько сигарет. Тут же возникла проблема огонька. Попытки прикурить у охранников иногда заканчивались успешно, но чаще в ответ следовало «Сегодня – день здоровья, не курите», или что-то в этом роде. Один такой «умник» на вопрос, есть ли у него спички, постоял задумчиво у окошка, после чего «пошутил»: «Э-э..синички» с обязательным «Гы-гы» и закрыл «амбразуру».

Эти «синички» потом стали хитом всей камеры до конца отсидки. Как только речь заходила об охранниках, кто-нибудь из ребят неизменно произносил это слово «металлическим» голосом героя компьютерных игр, после чего шли вариации на тему объема оперативной памяти в ментовских мозгах, количества килобайт, которые способен усвоить охранник, чтобы не «зависнуть» и чтобы не оказалось, что «нет места на диске», или ему требуется форматирование. Больше всего нам нравилось обсуждать это в присутствие самих людей в погонах – видеть, как они тихо бесятся, понимая, что над ними смеются, но будучи не в состоянии разобраться, в чем состоит насмешка.

Компьютерная тематика – одна из наиболее обсуждаемых. Иногда, когда несколько продвинутых фанатов усаживались за разговоры об очередной игре, или на какую-нибудь другую подобную тему, мне доводилось чувствовать себя марсианином на конгрессе китайцев – большинство из звучавших там терминов для меня было просто набором бессмысленных звуков. С другой стороны, это и есть прогресс – сам я впервые нажал на компьютерную клавишу где-то в двухтысячном году, будучи уже тогда старше, чем сейчас - все мои нынешние сокамерники, а мои родители, как я помню, находясь в моем теперешнем возрасте, впервые купили черно-белый телевизор.

Много внимания в разговорах уделяется так называемым флэш-мобам. Это такие скоротечные акции (я бы даже сказал – выходки), о которых их участники договариваются при помощи Интернета. Бывает, что это просто развлечение (пример, несколько человек одеваются «шпионами» в черных очках и плащах и, встречаясь в оговоренном месте на улице, на глазах ничего не понимающих прохожих обмениваются кейсами). Сейчас в Минске у молодежи популярны флэш-мобы несущие в себе элемент протеста и одновременно - насмешки над властями. Например, собравшись у огромного экрана на Октябрьской площади, в час передачи новостей БТ, несколько десятков студентов одновременно завязали себе глаза и заткнули уши. Несколько минут простояли и разошлись. Патрульные службы в этих случаях просто не знают, как поступать, а краткосрочность акции не позволяет получить указания. После того, как минское коммунальное начальство стало жаловаться на ущерб, который, якобы, нанесли их организации участники майдана, замусорив канализационные люки (когда я приехал туда, люки были уже заварены), произошел вообще анекдотичный случай. Ребята собрались на главпочтамте, чтобы перечислить в адрес городских коммунальных служб по нескольку сотен рублей «на бедность». При этом за ними наблюдали несколько человек «в штатском». Их-то охрана почтамта и посчитала организаторами флэш-моба. Пока происходили «разборки», молодежь разошлась.

Об этом я узнал уже дома из Интернета. Там же увидел картинку, размещенную каким-то хакером на взломанном сайте БТ – две свиньи пожирают помои, льющиеся в корыто с экрана телевизора. Очень удачная идея. Такого бессовестного вранья, какое позволяло и до сих пор позволяет себе белорусское телевидение, не доводилось видеть даже во времена СССР с его жесткой цензурой. Тогда делом чести большинства журналистов было хоть как-нибудь обойти запреты и дать в эфир хоть кусочек правды. Сейчас холуи с камерами и микрофонами, заполонившие белорусский экран, словно соревнуются в том, кто же сумеет соврать побольше, будто не понимая, что однажды за все это придется отвечать.

Кстати, отсюда же «растут уши» и у ящика с лапшой который минские телезрители установили недавно у здания Белтелерадиокомпании. Сняли, мол, с ушей и возвращаем обратно. Кроме этого на мусорные баки в минских дворах сейчас, говорят, вошло в моду наклеивать эмблемы БТ и ОНТ.

В первые сутки нас не кормили. Думаю, что связано это было с общей неорганизованностью. Штат нового изолятора еще не укомплектован, охрану несли собранные «с миру по нитке» сержанты ППС из районных отделений, которые и сами-то толком не знали тюремной службы. Видимо, именно по этому нам даже не объявили ни распорядка дня, ни правил поведения, ни вообще что можно, что нельзя.

В то же время, есть абсолютно не хотелось, хотя первую пайку мы получили где-то часов через тридцать после задержания.

Еще одна проблема в изоляторе – медицина. С утра при обходе камер охрана спрашивала, кому нужна медицинская помощь, при этом предварительные диагнозы ставили сами же милиционеры: «Это пройдет, по таким болезням скорая не выезжает». У сидевшего с нами студента-театрала, видимо, не впервые неполадки с сердцем, однако таблетку валидола он в первый день так и не допросился, а скорую ему вызвали только назавтра. При этом, когда его водили вниз на осмотр, буквально все встреченные по дороге «стражи» упрекали его в стремлении «откосить». Справедливости ради скажу, что приставленный к нам прапорщик, о котором говорилось выше, регулярно в первые дни подходил и справлялся, дескать, как там «пацан»? Причем, спрашивал не у него самого, а у меня, как старшего по камере – согласно субординации, как положено.

Где-то на пятый-шестой день у нескольких человек, в том числе и у меня, почему-то почти одновременно заболели уши. Видимо, все же сказался холод первых дней и сон на холодных досках нар. К тому времени нас раз в день посещала хамоватая докторoша, лечившая все болезни в основном анальгином. Точнее, посещали мы ее – охранники выводили по одному из камер и прием шел в коридоре. В день, когда я впервые к ней попал, больных было многовато и она раздраженно интересовалась у охраны, сколько они еще будут водить к ней - дескать, хватит. Когда я спросил ее, а нельзя ли без хамства, тетка настолько удивилась, что притихла и даже заложила мне в ухо ватку с лекарством и вместо анальгина дала ампицилин. У нашего архитектора болели глаза – его заставили сдать даже очки. Только примерно на 4-й день нашелся милиционер (снова – прапорщик, но уже другой), который внял его просьбам и отвел вниз, чтобы забрать их (а заодно – зажигалку!) из пакета со сданными вещами. При этом на все требования вернуть очки раньше ему отвечали, что никто его вниз не поведет, что это такой тяжкий труд, что они и так переработались, охраняя нас, и.т.д. Даже когда парня выводили из камеры, нашелся один дебил**, заявивший, что очки в камере не положены и удивленно спросивший коллегу, который внял просьбам арестованного: «На фиг тебе это надо?»

Первая передача в нашу камеру пришла на третий день. Именно в ней была пачка листков с распечатанной информацией с Интернет-сайтов о том, что происходило в Минске 24-25 апреля. Читали долго, затем передали в соседние камеры. К нам оттуда тем же образом пришла «Наша ніва» со списками задержанных в эти дни. Оттуда и узнал, что Юркову дали 15 суток. Когда принесли первые списки, где нужно было расписаться за еду, то удалось их бегло просмотреть, но Андрея там не было. Всего, как оказалось, в нашем корпусе кормили почти 250 человек.

Затем передачи пошли одна за одной. Так что еды хватало – даже перловая каша, нашпигованная салом и колбасой шла уже гораздо веселее. Передавали соки, минералку, конфеты, печенье, туалетные принадлежности и просто питьевую воду, которая, на мой взгляд, на вкус не на много лучше той, что текла из крана, хотя там вообще живая хлорка. Зато, вернувшись домой, оценил качество горецкой питьевой воды – она у нас, оказывается, очень вкусная. А может просто привык.

Естественно, все, что передано в камеру, является общей собственностью. При необходимости, что-то передается из камеры в камеру, но со способе передачи говорить не буду – по нынешним временам, мы там из политических не последние.

Единственный постоянный источник информации – радио. Довольно часто, особенно в первые дни там рассказывали про события в Минске. Характерно, что ни разу это не делалось в форме репортажа с места событий. Сперва информация фильтруется, причесывается и, надо понимать, согласовывается. Камеры «комментируют» в зависимости от содержания передач традиционными громогласными «Ганьба!» и «Жыве Беларусь!», на наиболее откровенную брехню реагируют хохотом. Охранники иногда покрикивают, но в большинстве случаев никак не реагируют на это.

Еще тема для развлечения – сами люди в погонах. О «синичках» и прочей их дури я уже упоминал, но с каждым днем они подкидывают все новые «фишки». Ежедневно к дверце подходит охранник и спрашивает: «Мусор есть?» Смеемся, даже если и нету. Позже узнал, что в некоторых камерах отвечали, что мусор, дескать, за дверью, а у них сьмецце. Мы до этого не додумались, но все же лишний повод позубоскалить. Где-то на четвертый день пришел милиционер и спросил, будем ли убирать в камере. Пыли на полу скопилось уже немало, поэтому спросили – чем? В ответ он предложил попросить у зэков-мусорщиков на пять минут веник за три сигареты. Сделка состоялась и в камере стало чище. Потом, правда, веник и совок давали бесплатно. Уже после выхода на свободу слышал от ребят, что о факте «аренды» веника узнал, якобы, начальник изолятора и сильно возмущался таким поведением милиционера, подрывающего престиж «заведения».

Также ежедневно с утра у нас спрашивали, сколько человек в камере. В первые дни могли спросить и по пять и по десять раз в день. Если нужно было кому-то отдать передачу, а номер камеры не был указан, то ходили, искали по камерам, спрашивая фамилии. До того, чтобы составить список и повесить на дверь, никто за десять дней так и не додумался. Когда в три часа ночи освободили парня, сидевшего пять суток, то наутро снова пришел охранник и спросил, сколько у нас человек. Я ответил, что было десять, но один ушел. Вопрос, который он мне задал, поверг в истерический восторг всех оставшихся. Мент спросил: «Куда?»

Было много разговоров. Оказалось (а чему тут, собственно, удивляться?), что молодежь почти ничего не знает ни про ГКЧП, ни про 94-й год, ни про 96-й. Что знал – рассказывал. Другие рассказывали свои истории. В результате, время, хоть и медленно, но шло – играли в интеллектуальные игры, в

«мафию», рассказывали анекдоты. Вопрос досуга (если это слово уместно в таких условиях), особенно в первые дни, стоял остро. В других камерах делали шахматы, шашки из хлеба, но у нас больших любителей этих игр не оказалось. А вот когда передали несколько книг, то читали многие с удовольствием.

Накануне выхода нашего пятисуточника я написал для сайта небольшую информацию с призывом к тем, кто несет передачи, ложить туда книги, газеты и.т.д., но во время неожиданного «шмона» у меня листок с этим текстом забрали. Зачем – не знаю, там был совершенно безобидное содержание. Записали фамилию, но все прошло без каких-то последствий. Очевидно, просто сработал «ментовский рефлекс» - абы напакостить.

Тактика мелких пакостей вообще характерна для нынешней власти. Объясняется она, на мой взгляд, как низким интеллектуальным уровнем многих ее представителей, так и трусовато-холуйским складом их характеров. С одной стороны, нужно куснуть, чтобы похвалил хозяин, с другой – на всякий случай кусать не сильно, а то вдруг хозяин сменится.

Новому белорусскому руководству (когда оно придет не знаю – но придет ведь когда-нибудь) при этом важно будет не сбиться на схожую тактику мелочной мести. Да, преступления против Конституции срока давности не имеют и все, кто их совершал, будут отвечать. Да, Закон о люстрации принимать придется, иначе реванш связанных круговой порукой «бывших» снова станет весьма вероятен. А вот всяких шестерок и мосек, норовящих погромче гавкнуть, пока позволено, трогать все же не следует – единственное, что надо будет сделать, убедиться, что это действительно шестерка, а не прикинувшийся вдруг ею туз.

Ближе к концу отсидки один из ребят сделал вывод, что ему кажется будто знает нас очень долго, хотя до встречи в камере знакомы друг с другом не были. Такое же впечатление осталось и у остальных. Видимо сработал фактор общности взглядов. В день, когда освободились наши пятнадцатисуточники, встретились у одного из них на квартире, организовали стол, с удовольствием целый день разговаривали, делились планами и до сих пор контактов не прерываем – общаемся по электронной почте, или по телефону.

Последний же день нашей отсидки запомнился немного нервной атмосферой – всем надоело, но пятерым еще сидеть пять суток. Нервничали и охранники. Ночью после отбоя (выключен свет, но горит дежурная лампочка, которую ребята занавешивали полотенцем) большинству не спалось и наиболее активные затеяли создание «мумии», обмотав одного из них туалетной бумагой – благо к этому времени ее нам напередавали уже достаточно. Охранники несколько раз заглядывали в глазок, а затем ворвались в камеру, выхватили «мумию» в коридор и куда-то увели. Наши все притихли, но потом оказалось, что парня просто пересадили в пустую камеру, видимо, чтобы остыл, а назавтра вернули назад.

И вот наконец освобождение. Вывели в коридор, собрали внизу. Пока вызывают по одному и оформляют последние формальности, рядом вижу стоящую у окна польскую журналистку по имени Вероника. Ее снимок был в «Нашай Ніве», которую мы читали в камере. Там еще было написано, что у нее это уже третья «революция» - сперва мама, когда была беременна ею, ходила на акции «Солидарности», затем она ездила на украинский майдан, а вот теперь – на белорусский. Сообщаю, что читал о ней в газете – удивляется, сама еще не видела.

Наконец получаю документы, счет за оплату содержания (кормили девять дней, а оплату потребовали за десять) и выхожу на улицу. Встречает большая толпа людей, на заборе – растяжка «Разам!», на тротуаре рядом – свечи. Везде цветы, шампанское. Меня встречают несколько коллег, отвозят на квартиру: «Спи часов до одиннадцати, мы поедем еще встречать тех, кто должен выйти утром. Вон диван, вон компьютер с Интернетом». Ага – спи. Первым делом – в ванну, хоть немного помыться. За десять дней нас в баню так и не водили, хотя однажды пришел охранник и записал желающих. На этом дело и кончилось, а под краном много не намоешься.

Затем – в Интернет. Часа за два перечитал кучу материалов на разных сайтах, в том числе – и о своем «исчезновении». Восстановил по памяти (ее, слава Богу, пока форматировать и очищать в Беларуси не научились) отобранный охранником материал для belngo.info, написал еще один – сжато о жизни в камере.

В этот же день вечером уехал домой. Здесь, можно сказать, в последнее время работаю проповедником – куда ни попаду к знакомым, в первую очередь закрывается дверь, и тут же: «Расскажи». Большинство телевранью о произошедших событиях не верит, но и правды не знает. Есть такие, кто удивляется: «Но ведь так по телевизору говорили! И в Советской Белоруссии написано!» Объясняю, что на заборе бывает и не такое написано, а на самом деле там – доски. После десятого, или двадцатого (за пару дней) рассказа понял, что процесс бесконечен и решил написать эту повесть.

По окончании пятнадцати суток созвонился с Андреем Юрковым. Он в итоге всех приключений остался без работы (был главным специалистом Учхоза БГСХА), возмущается, дескать, работал день и ночь, а тут вмиг сдали, как стеклотару. Действительно – на нем была практически вся внешнеэкономическая деятельность хозяйства (продажа молока в Москву фирме «Данон») и ездил он то в Минск, то в Москву, то в Могилев, не считаясь со временем. Судя по всему, власти специалисты со своим мнением не нужны. Так ей и надо. Андрей теперь клянется, что на госслужбу больше – ни ногой. Такой же вывод лет десять назад сделал и я, и ничего - живу.

Многие сейчас спрашивают, когда уеду на Запад. Отвечаю, как тот крокодил из анекдота: «Я тут не просто лежу - живу я тут!» Пока же страна, в которой нас угораздило родиться, медленно погружается в пучину кладбищенского «единства», попутно отгораживаясь от всего, не поддающегося осмыслению в зомбированных мозгах расплодившиеся заместителей по идеологии. Гаранты законности, словно скопировав пресс-конференцию ГКЧП от 19 августа 1991 года, выступают с предвыборными обещаниями о применении к инакомыслящим смертной казни, обзывая их террористами. На Беларуси объявлена стабильность, над всей Испанией – безоблачное небо, а в Сантьяго идет дождь.***

Примечания:

**** Гестапо (нем. GESTAPO, сокр. от Geheime Staatspolizei), тайная государственная полиция в фашистской Германии. Создана в 1933. Проводила массовый террор в Германии и за ее пределами. Международным военным трибуналом в Нюрнберге признана преступной организацией.***

***** Автор не несет ответственности за использование в тексте терминологии из предвыборного лексикона Александра Лукашенко и его сторонников – слова просто возвращаются к ним по принципу бумеранга.***

****** Условные фразы, которые, будучи переданными по Национальному радио, стали сигналами соответственно к началу фашистского путча в Испании (1936 год, руководитель – генерал Франко) и «Путча горилл» в Чили (1973 год, руководитель – генерал Пиночет).***

P.S.

Привидения пишут зявление

В конце апреля, накануне «Чернобыльского шляха» мне позвонили из милиции и пригласили зайти – дескать, некие граждане написали на меня заявление. Оказалось, что «граждане» не имеют ни адресов, ни других координат, а только фамилии – Гусева, Шадрин, Жилов. Людей с такими фамилиями я не знаю, а две последних в Горках никогда и не слышал. Тем не менее, обвиняли меня, Юркова и еще нескольких активистов в том, что мы «собираем банду головорезов» для того, чтобы ехать в Минск «подрывать устои». Кроме этого в заявлении содержалось утверждение, что за время, проведенное в камере, я получил от «оппозиционного стачечного комитета» большие деньги и прочий подобного рода бред.

На просьбу к сотрудникам милиции найти этих «привидений» и привлечь их к ответственности за клевету, предварительно проверив у психиатра, мне было отвечено, что сделать это будет крайне сложно, поскольку никаких сведений о них в РОВД нет. Как же – найдут они! Собственного министра почти десять лет отыскать не могут, а тут… Хотя выяснение судьбы исчезнувшего милицейского генерала Захаренко, казалось бы, должно было стать делом профессиональной чести каждого работника органов внутренних дел. Увы, как оказалось – ни профессионализма, ни чести.

С другой стороны – какой только ерундой нашей милиции не приходится заниматься! Будучи в РОВД, я спросил в шутку одного из сотрудников: если какой-нибудь психопат напишет в следующий раз, что я – скрытый Садам Хусейн и собираюсь взорвать мост через Копылку, они что – тоже будут это расследовать, вызывать меня и требовать объяснений? Ответ шокировал: «Да будем, так положено».

Собственные шаги, предпринятые с целью выяснить все-таки, кто же автор письма, принесли мало пользы. Разве что, проанализировав вместе с другими обвиненными текст, убедился, что писал человек информированный, но очень старавшийся выглядеть «простаком» - слог нарочито корявый, но без орфографических ошибок, что, согласитесь, не стыкуется. Кстати, набран текст письма на современном компьютере и отпечатан на лазерном принтере, коих в распоряжении «бдительных бабушек» пока наблюдается не так уж много. В общем, все что удалось узнать, это примерное местонахождение кляузников – в районе улицы Кирова. Что ж, если людям больше заняться нечем – пусть развлекаются

Эдуард Брокарев

Телеканалу

<u>требуются</u>

<u>на постоянную работу</u>

двести пьяных несовершеннолетних отморозков для съемок сюжетов об уличных акциях оппозиции.

Тел. 8 029 545 89 83

По сложившейся в газете традиции, мы продолжаем публиковать творения классиков. Как известно, классические произведения отличаются от просто писанины тем, что остаются актуальными по прошествии многих лет. Читаешь – ну будто вчера написано.

Кандрат Крапіва

ДЫПЛАМАВАНЫ БАРАН

Байка

Ў адным сяле (не важна — дзе)
Хадзіў Баран у чарадзе.
Разумных бараноў наогул жа нямнога,
А гэты дык дурней дурнога —
Не пазнае сваіх варот:
Відаць, што галава слабая.
А лоб дык вось наадварот —
Такога не страчаў ніколі лба я:
Калі няма разумніка другога,
Пабіцца каб удвух,
Дык ён разгоніцца ды ў сцену — бух!
У іншага дык выскачыў бы й дух,
А ён — нічога.
І вось за дурасць гэту
Яго вучоным раз празвалі нейк насмех,
А каб двара не перабег,
На шыю прывязалі мету.
— Вось,— кажуць,— і дыплом табе.
Што гэта за «дыплом», Баран — ні «мя», ні «бэ»,
Аднак жа перад Кошкаю пачаў ён ганарыцца:
— А што ж ты думала, сястрыца!
Хіба мне пахваліцца няма чым?
Дыплом я заслужыў, здаецца ж, галавою,
І не раўнуйся ты са мною.
— Аб гэтым лепей памаўчы,—
Сказала яму Кошка.—
Каб ты быў разумнейшы трошка
Ды розумам раскінуць мог авечым,
То ўбачыў бы, што ганарыцца нечым,
Бо заслужыў ты свой дыплом
Не галавой, а лбом.
Другі баран — ні «бэ», ні «мя»,
А любіць гучнае імя.

1926 год

Радые «Свабода»: *Натальля Грыб: Расея хоча ўвесьці расейскі рубель у Беларусі*

Тыдзень таму ў расейскай газэце «Коммерсант» быў надрукаваны артыкул, у якім паведамлялася, што прэзыдэнт Расеі Уладзімер Пуцін 9 траўня падпісаў распараджэньне аб спыненьні ўсіх формаў субсыдаваньня беларускай эканомікі.

Адна з аўтараў гэтага артыкулу – агляддальнік "Коммерсанту" Натальля Грыб дала камэнтар Радыё Свабода:

(Натальля Грыб:) «Літаральна ў гэтую сераду, калі першы віцэ-прэм'ер Беларусі Уладзімер Сямашка заявіў аб прапанове аддаць 50% акцый «Белтрансгазу» у абмен на доступ да радовішчаў для здабычы, «Газпром» адказаў дастаткова жорстка і пасьлядоўна. Ён заявіў, што ў яго няма практыкі дапускаць замежнае прадпрыемства на ўнутраны рынак Расеі з тым, каб яно само здабывала і эспартавала газ.

У маім разуменьні менавіта такая пазыцыя пацьвярджае тое, што ёсьць карт-блянш у «Газпрому» весьці жорсткую лінію на падвышэньне цаны на газ. Да пачатку гэтага году дзейнічала палітыка асобага, льготнага рэжыму для беларусаў. Фігуральна кажучы, да прэзыдэнцкіх выбараў вушы газпромаўскіх чыноўнікаў былі адкрытыя, а пасьля яны закрыліся. Ніякіх прапановаў Менску ў «Газпроме» ня чуюць.

Я ня думаю, што гэта ўласная карпаратыўная палітыка «Газпрому». Я дакладна ведаю, што намесьнік старшыні «Газпрому» Аляксандар Разанаў, калі першы раз зьявілася інфармацыі аб падвышэньні цэн для Беларусі, сказаў: «Гэта нейкая памылка». Так што гэта не камэрцыйная, а палітычная ініцыятыва, якая сыходзіць з Крамля.

У тэксьце крамлёўскага дакумэнта, які я бачыла на свае вочы, гаворыцца, што Расея мае намер абмежаваць Беларусь у льготах у першую чаргу фінансавага характару.

Напачатку гэтага году іншы намесьнік кіраўніка «Газпрому» Аляксандар Мядзьведзеў езьдзіў да Аляксандра Лукашэнкі ў Менск на сустрэчу, пасьля чаго ён заявіў: «Ня блытайце Беларусь і Украіну. Беларусь з 2008 году ўводзіць расейскі рубель, гэта саюзная дзяржава». Я лічу, што сёньняшняя пазыцыя Расеі – гэта ціск на ўлады Беларусі, каб хутчэй увесьці расейскі рубель.

І дзеля гэтай мэтай увядзеньня расейскага рубля могуць быць зробленыя два крокі. Гэта адмова ў ільготным крэдытаваньні, якое можа ісьці на падтрымку нацыянальнай валюты Беларусі, і адмова ў ільготным крэдытаваньні пакупкі энэргарэсурсаў. Я ня думаю, што гэтыя меры будуць сапраўды ўжытыя, але гэта інструмэнт ціску на беларускі ўрад і на беларускага прэзыдэнта.

Тут ёсьць яшчэ адзін момант. Пуцін абяцае пэўныя саступкі Эўразьвязу, каб у ліпені ў Санкт-Пецярбургу краіны Зьвязу падтрымалі энэргетычную стратэгію Расеі. І ён можа пабяцаць падвысіць цэны на газ для Беларусі. Палітычна яму гэта выгадна, бо літаральна днямі Эўразьвяз заявіў, што нізкія цэны на газ – гэта не проста датацыі прамысловасьці Расеі і Беларусі таксама, гэта парушэньне міжнародных правілаў гандлю, якое не дазволіць Расеі ўступіць ва Усясьветную гандлёвую арганізацыю. Цэны для Беларусі могуць быць маленькай саступкай Пуціна Эўразьвязу.

Апроч таго, паўтаруся, Расея ўпэўненая, што беларусы з 1 студзеня 2008 году, у год прэзыдэнцкіх выбараў у Расеі, увядуць у сябе расейскі рубель. Для Пуціна гэта была б палітычная перамога, гэта было б тое аб'яднаньне, якое яму патрэбна».

Віцэ-сьпікер Эўрапарлямэнту: «Баюся, што гэтыя асобы ўжо перавялі грошы з ЭЗ»

Валер Карбалевіч, Менск**.**

У чацьвер Эўразьвяз прыняў рашэньне аб замарожваньні ўсіх фондаў і эканамічных рэсурсаў 36 афіцыйных асоб Беларусі. Гэтаму рашэньня папярэднічала пастанова Эўразьвязу пра візавыя абмежаваньні ў дачыненьні гэтых асоб, якія былі ўведзеныя 10 красавіка. Беларускі бок аспрэчвае існаваньне банкаўскіх рахункаў у Эўразьвязе. Як палітыкі камэнтуюць такое рашэньне кіраўніцтва Эўразьвязу?

(Карбалевіч:) "Віцэ-сьпікер Эўрапейскага парлямэнту Януш Анышкевіч заявіў Радыё Свабода, што падтрымлівае замарожваньне рахункаў беларускіх чыноўнікаў, але лічыць, што гэта, хутчэй, крок сымбалічны, бо зацікаўленыя асобы даўно ведалі: такое здарыцца".

(Януш Анышкевіч:) "Я баюся, тыя галоўныя асобы палітычнай сыстэмы ў Беларусі, каго тычыцца замарожваньне рахункаў на тэрыторыі Эўразьвязу, даўно чулі, што такі крок з боку Брусэлю магчымы, і загадзя маглі перавесьці свае банкаўскія рахункі ў іншыя месцы".

(Карбалевіч:) "Былы намесьнік амбасадара Польшчы Марак Буцька ў Беларусі кажа: каб прыняцьцё рашэньня аб замарожваньні рахункаў мела чаканы эфэкт, трэба было рыхтаваць яго ў сакрэце й абвесьціць пра гэта ў дзень, калі такое рашэньне набывае сілу".

(Буцька:) "Гэта ня будзе мець ніякага значэньня. Беларускія чыноўнікі разумеюць: калі гаворыць пра забарону на ўезд, — магчымае замарожваньне рахункаў, а значыць — трэба нешта рабіць. Лукашэнка нават сказаў: маўляў, Захад можа забраць усё, што знойдзе. А тое паказвае, што грошай рэжыму там даўно ўжо няма. Ёсьць яшчэ шмат краінаў — банаўвых рэспублік, падаткавых аазісаў, дзе беларускія чыноўнікі могуць схаваць свае незаконна атрыманыя сродкі".

Удзельнікі намётавага лягеру зладзілі сустрэчу на беразе Менскага мора

Севярын Квяткоўскі, Ратамка

Удзельнікі намётавага лягеру на Кастрычніцкай плошчы сабраліся 13 траўня на беразе Менскага мора блізу пасёлку Ратамка. Галоўная мэта сустрэчы – выпрацаваць агульную стратэгію для далейшага адстойваньня сваіх поглядаў, ідэі свабоднай дэмакратычнай Беларусі. У намётавым лягеры ля Менскага мора знаходзіцца наш карэспандэнт.

У лягеры сабралася больш за 100 чалавек, і ўсё падыходзяць новыя. Галоўнае адрозьненьне ад сакавіцкіх падзеяў – вельмі цёпла. Лягер разьбіты на травяным полі непадалёк ад шашы Менск-Маладэчна. Справа ў тым, што цяпер у Менскай вобласьці забаронена знаходзіцца ў лесе, бо абвешчаная пажаранебясьпечная сытуацыя.

За зборам удзельнікаў намётавага лягера сочыць мясцовая міліцыя. Вось цяпер удзельнікі распачалі сустрэчу, утварылі вялікае кола і па чарзе прамаўляюць. Слова Сяржуку Салашу, аднаму зь ініцыятараў сустрэчы.

(Карэспандэнт:) «Калі ласка, Сяржук, патлумачце, якога выніку Вы чакаеце ад сустрэчы?»

(Салаш:) «Я б вельмі хацеў, каб гэтая сустрэча мела сапраўды нейкі практычны вынік, каб гэта не была проста сустрэча, каб паглядзець адзін аднаму ў вочы пасьля тых векапомных сакавіцкіх падзеяў 19-25 сакавіка. Я б хацеў, каб мы прынамсі прынамсі здолелі заманіфэставаць грамадзтву тое, што мы разам, што мы выступаем за салідарнасьць, узаемадапамогу, і тое што мы ўсе выступаем за Беларусь. Мы ўсе вельмі розныя, у нас розныя погляды, у нас сапраўды існуюць розныя канцэпцыі што да развіцьця падзеяў у Беларусі, але мы мусім быць разам, таму што калі ня моладзь, якая стаяла на Майдане, дык хто можа зьмяніць сытуацыю ў нашай краіне?»

Дарэчы, прывітаньне ўдзельнікам сходу перадаў Аляксандар Мілінкевіч. Але самі ўдзельнікі падкрэсьліваюць сваю па-за партыйнасьць, гаворачы пра важнасьць супраціву на ўзроўні самаарганізацыі. Як варыянт – стварэць самастойныя лякальныя групы, якія б мелі сваю мабільную каардынацыю.

«ГОРЕЦКИЙ ВЫБОР»
Антибашистская газета. №5, май 2006г.
Издатель и главный редактор -
Иван МОРОЗОВ. Тел. 545 89 83
Издание непериодическое, выходит по мере возможности.
Тираж 299 экземпляров.